

Секция: мировая политика

Подсекция: Международная безопасность

Иранская ядерная проблема: текущий статус

Артюков Е.Г.

Студент

*Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова,
факультет государственно управления, Москва, Россия
E-mail: artukov@gmail.com*

Одной из животрепещущих проблем режима нераспространения ядерного оружия в настоящее время является иранская ядерная проблема. Несмотря на перманентные усилия «шестерки» найти ключевые подходы к разрешению кризиса, нельзя с уверенности сказать, что решение уже где-то рядом. Действительно, в отношении Ирана за последнее время уже принято четыре резолюции Совета Безопасности ООН (1737, 1747, 1803 и 1929), которые, на данный момент, не возымели должного эффекта.

По-мнению автора, столь запутанная ситуация вокруг иранской ядерной программы обусловлена не только, и даже может быть, не столько позицией Тегерана в данном вопросе, сколько невозможностью договориться и в результате выработать единую политическую линию странами «шестерки». Вкратце, ситуация заключается в следующем: США, в рамках шестисторонних переговоров, следуют политики постепенного наращивания давления на Тегеран, агитируя за введение более жесткого санкционного режима; Россия и КНР – выступают за политико-дипломатическое урегулирование конфликта, путем постепенного вовлечения Ирана в переговорный процесс и предоставления ему позитивных стимулов; страны ЕС – балансируют между данными позициями, склоняясь в данный момент к позиции США.

Следует также обозначить требования сторон. Так, США и, в той или иной степени, остальные члены переговоров требуют от Ирана: (1) свертыwania ядерной программы; (2) прекращения поддержки терроризма; (3) поддержки в процессе урегулирования ближневосточного конфликта; (4) помощи в стабилизации положения в Ираке. Иран же, в свою очередь, настаивает: (1) на отказе США и ЕС от политики санкций; (2) на прекращении любых разговоров о «смене режима»; (3) на исключении Ирана из списка стран, оказывающих поддержку международному терроризму; (4) на «неотъемлемом праве» любого государства на развитие мирного атома.

Автор приходит к заключению, что при ведении переговоров с Ираном все же стоит использовать позитивные стимулы, учитывать особенности ведения переговоров с персами и, наконец, необходима разработка четкой и реалистичной «дорожной карты» возможного решения иранской ядерной проблемы.

К позитивным стимулам можно отнести: (1) подтверждение гарантий безопасности Ирану, в соответствии с резолюцией СБ ООН №984; (2) снятие односторонних санкций США и ЕС в отношении Ирана; (3) применение конкретных мер по повышению доверия в Персидском заливе и Ормузском проливе; (4) полный отказ от «тонких намеков» о возможности решения иранского кризиса военными методами; (5) содействие в повышении безопасности использования ядерных исследовательских реакторов, а также предприятий ядерного топливного цикла; (6) более активное вовлечение Ирана в урегулирование ближневосточного кризиса.

Как уже было сказано выше, необходимо также учитывать особенности ведения переговоров с Ираном. Во-первых, иранскую политическую элиту можно условно разделить на четыре части: группа клерикалов-сторонников Хаменеи, высшая правительственная элита, причем как национальная, так и региональная; представители КСИР и других служб безопасности; влиятельные индивиды и «лояльные» оппозиционеры, выступающие за постепенное реформирование режима. Разделение

иранской политической элиты на такие своеобразные группы интересов неизбежно порождает клубок противоречий, что, в конечном итоге, мешает выработать транспарентную политику по ядерной программе и вынуждает тегеранских переговорщиков постоянно лавировать между различными мнениями. Во-вторых, необходимо понимать, что история учит Иран не верить иностранцам. Достаточно проследить череду событий XX-го столетия: поражения 1906-1911 гг., оккупация со стороны США, Великобритании и СССР в 1941-1945 гг., свержение правительства Моссадыка в 1953 г., а также ряд перманентных военных вспышек со стороны сепаратистов Азербайджана и Курдистана. Череда этих трагических для Ирана событий закалила его граждан и породила глубокое недоверие к окружающему миру в целом. В-третьих, Иран находится в тяжелом геополитическом положении: окружен суннитскими режимами Афганистана, Саудовской Аравии и Пакистана; с западной и восточной стороны окружен враждебными к нему тюркскими народами; находится в поле досягаемости ядерного оружия Индии, Пакистана и Израиля.

Наконец, наиболее важным элементом эффективной политики урегулирования иранского кризиса можно считать детально проработанную «дорожную карту» решения иранского кризиса. Необходима четкая, а главное, единая позиция «шестерки» в отношении Ирана, что существенно бы снизило накал страстей вокруг Ирана и позволило бы решить проблему.

Предупреждение геноцида

Борисова А.А.

Студент

*Набережночелнинский филиал Нижегородского Государственного
Лингвистического Университета имени Н.А. Добролюбов, факультет международных
отношений, экономики и управления, Набережные Челны, Россия
E-mail: anastas90@inbox.ru*

В течение всей истории человечества геноциду подвергалось множество людей, а иногда и целые государства. Люди подвергались притеснениям, рабству, жестокому отношению, убийству. В связи с чем исчезали миллионы людей. Сейчас у нас светское общество и решать возникшие проблемы путем геноцида является проявлением безграничной жестокости. Никто не наделял людей правом убивать себе подобных. У людей нет права владеть чьими-то жизнями. Ни одно живое существо не убивает себе подобных так быстро, как это делает человек.

Причинами геноцида могут являться этническая, расовая, религиозная принадлежности человека. Во избежание этого люди должны с уважением относиться к выбору каждого человека, уважать его религиозные взгляды и то, что приобрел он при рождении – врожденные физические и духовные свойства, расовая принадлежность [3].

Все люди быть равны. Не должно быть какой-либо дискриминации по расовому признаку и т.д.

Как правило, пламя ненависти не возникает внезапно и не предсказуемо, этому предшествует длительная история конфликта. Необходимо во время выявить появление угрозы геноцида, выявить это причину и предотвратить возможность ее изменения непосредственно в геноцид.

Может показаться, что один человек не в состоянии много сделать для того, чтобы не допустить возникновения геноцида, но все же есть возможности внести свой вклад в своей общине, пропагандируя терпимость и соблюдение прав человека, а также просвещая других о предупредительных признаках геноцида.

Для этого необходимо содействовать выявлению и преданию огласке любых случаев нарушения прав человека в своей стране [3].

Требовать от политических деятелей, сотрудников правоохранительных органов, судей, военнослужащих и местных руководителей честного и ответственного исполнения своих обязанностей в полном объеме.

Не допускать появления в СМИ лживых фактов. Необходимо поддерживать местные средства массовой информации — помогать журналистам выступать честно и открыто, мотивировать их к этому.

Привлекать средства массовой информации к ответственности за размещение материалов, сеющих рознь и вражду, поощрять журналистов за хорошие материалы.

Содействовать обеспечению того, чтобы в тюрьмах были созданы человеческие условия, чтобы заключенные обеспечивались питанием и питьевой водой, и чтобы их жизням ничто не угрожало.

Не допускать халатного отношения к пациентам в больнице, какого бы происхождения он не был. Всегда оказывать помощь нуждающимся по мере своих возможностей не взирая на его религиозные, этнические, расовые принадлежности.

Содействовать обеспечению того, чтобы все люди, включая малые группы меньшинств, а также женщины могли в полном объеме участвовать в политической, экономической и общественной жизни вашей страны. Не допускать дискриминации по половому признаку.

В ряду геноцидов, совершённых в XX в., арменоцид – первая массовая резня, и его международное признание и осуждение были бы уроком для всего человечества – во избежание новых геноцидов [3].

Проведенное исследование показало, что своевременное выявление появления угрозы геноцида, выявление причины и предотвращение возможности ее изменения непосредственно в геноцид является неотъемлемой и одной из важнейших, первостепенных частей предупреждения геноцида.

Литература:

1. Резолюция ГА ООН «Преступление геноцида» 96 (I) от 11 декабря 1946 г..
2. Резолюция Совета по правам человека 7/25 о предупреждении геноцида 2008 г..
3. Ушаков С.В. Институциональная система ООН и международная обязанность по предотвращению преступления геноцида // Право и политика. - 2008. - № 11. -2707с.

Радиоактивный и ядерный терроризм: пути предотвращения

Бугаёва О.О.

Студент

Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, Институт международных отношений, Киев, Украина

E-mail: olga_bugayova@hotmail.com

Режим нераспространения ядерного оружия сегодня переживает глубокий кризис. Связано это не только с тем, что ДНЯО является по своей природе дискриминационным, так как признает право обладания ядерным оружием лишь у 5 государств, но и с тем, что с распадом биполярной системы изменилась сама логика ядерного сдерживания. Сегодня трудно говорить о стабилизационной роли ядерного оружия в связи с тем, что горизонтальное ядерное распространение в кризисных регионах (Ближний и Средний Восток, Корейский полуостров, Индостан) отнюдь не способствует становлению действенной системы баланса сил, так как на региональном уровне (в отличие от глобального) нет каких – либо механизмов, регулирующих возможное применение

ядерного оружия [2]. Учитывая колоссальную разрушающую силу ядерного оружия, оно становится довольно действенным способом защитить собственную национальную безопасность. Создается очередной парадокс: горизонтальное распространение порождает «цепную реакцию», а сдерживание становится многосторонним и соответственно менее устойчивым [1].

Размывается само понятие ядерной стабильности как системы, в которой политические функции ядерного оружия (примус оппонента к определенным действиям) четко отделены от ее военных функций (разработка сценариев ядерной войны для убеждения оппонента в бесперспективности ядерного удара). Таким образом, ядерное сдерживание постоянно стимулирует ядерное распространение, а ядерное распространение побуждает государства не принимать во внимание основные законы ядерного сдерживания, среди которых довольно показательным является ведение превентивных войн против государств, которые разрабатывают ядерное оружие, но не имеют его. В таком случае международные соглашения в сфере нераспространения становятся неэффективными, а гарантий безопасности неядерным государствам (как негативные, так и позитивные) носят довольно декларативный характер. Несмотря на выше перечисленное, государства как участники международных отношений в своих действиях довольно рациональны, соответственно, риск ведения ядерной войны минимален [4]. Разрушение основных институтов и механизмов по поддержанию безопасности в мире привело к повышению эффективности традиционно маргинального способа достижения тех или иных целей – международного терроризма.

Сегодня ядерный терроризм выглядит утопически. По сути, ядерный терроризм предполагает наличие ядерного взрывного устройства, а не только наличие у актора международных отношений технологий и материалов двойного назначения. Действительно, любой ядерный топливный цикл несет в себе определенные риски. В особенности если цикл замкнутый, но существует ряд причин, по которым процент изготовления ядерного оружия негосударственными игроками стремится к нулю (в этом контексте, конечно же, можно вспомнить «Проект-77», вот только Аюб Хан работал по прямому заданию пакистанского правительства, да и ядерное оружие разрабатывалось на государственной основе). Главное, без чего создать ЯВУ не возможно, - это расщепляющийся материал. Таких расщепляющихся материалов в рамках нашего рассмотрения два: уран-235 и плутоний-239, оба – оружейной чистоты (> 90% и > 94% соответственно по основному материалу). Основной проблемой для негосударственных акторов мо является то, что наработка довольно большого количества ядерного материала, необходимого для создания ядерного взрывного устройства с «нуля» без ведома государства не возможна. В связи с этим в международно-правовых кругах существует дискуссия о том, может ли государство выступать субъектом ядерного терроризма, если оно находится в процессе ядерного оружия либо имеет его, не считаясь с ДНЯО, или же субъектом ядерного терроризма можно считать исключительно преступные группировки, действующие вне государственного контроля.

В отличие от ядерного терроризма, радиоактивный несет в себе реальную угрозу. Радиоактивные материалы легко могут быть похищены в связи с тем, что они используются не только в атомной промышленности (и в военных целях в том числе), но и в медицинских, общепромышленных и исследовательских технологиях. К тому же нанесение материального ущерба от актов радиоактивного терроризма подчас гораздо выше, чем физиологический ущерб его жертвам. Соответственно, радиоактивный терроризм является более «эффективным» способом «борьбы» для террористических группировок. Опасность радиоактивного терроризма состоит не в превышении предельно допустимых уровней внешнего излучения (это сделать сложно, учитывая необходимость использования значительных количеств g-излучателей), а в том, что довольно легко достигается предельно допустимая концентрация радиоактивного материала в воздухе и воде, что вызывает уже внутреннее облучение. [3]

Говоря о международно-правовых мерах по предотвращению актов ядерного и радиоактивного терроризма, следует отметить, что в международных документах отсутствует четкое разделение ядерного и радиоактивного терроризма. Например, в Конвенции о физической защите ядерного материала (1980, поправки - 2005) [5] вообще отсутствует определение понятия радиоактивный материал. Международная конвенция по борьбе с актами ядерного терроризма 2005 г. [6] не предусматривает создание эффективных международных механизмов, которые могли бы тесно сотрудничать с национальными правительствами в сфере предотвращения. На сегодняшний день становится очевидным, что МАГАТЭ не справляется в полной мере с возложенными на него обязанностями. Прорывом стали Резолюции 1373 и 1540, которые говорят о необходимости создания контр – террористического комитета при СБ ООН [7; 8]. Еще одним весомым недостатком в сфере предотвращения распространения радиоактивных материалов и источников является отсутствие прописанного финансирования национальных государств для создания эффективной системы мер экспортного контроля и утилизации радиоактивных и ядерных материалов, а также отработанных источников.

Несмотря на то, что сегодня рассмотренные виды терроризма носят гипотетический характер, в условиях нестабильности международной системы международному сообществу следует уделять больше внимания данной проблеме не путем риторических заявлений, но созданием и реализацией эффективных международно-правовых гарантий, которые бы признавались всеми государствами.

Литература

1. Арбатов А., Дворкин В. Ядерное оружие после «холодной войны». – М., 2006. – 560с.
2. Галака С. П. Проблема нерозповсюдження ядерної зброї у міжнародних відносинах / Київський національний ун-т ім. Тараса Шевченка. — К. : Видавничо-поліграфічний центр "Київський університет", 2002. — 278с.
3. *Countering Radiological and Nuclear Terrorism / Edited by Samuel Apikuyan, David; Springer, 2005. – 293 p.*
4. Sagan S.D., Waltz K.N. The spread of nuclear weapons: A debate renewed. – New York: Norton, 2003. – 126 p.
5. Международная конвенция о физической защите ядерного материала. Режим доступа: <http://zelenyshluz.narod.ru/conv_rad/fiz.htm/>.
6. Международная конвенция по борьбе с актами ядерного терроризма. Режим доступа: <http://www.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=995_d68/>.
7. Резолюция 1373 СБ ООН. – Режим доступа: <<http://www.un.org/>>.
8. Резолюция 1540 СБ ООН. – Режим доступа: <<http://www.unhcr.org/refworld/docid/411366744.html/>>.

Международные отношения и новые информационные технологии

Бурдюг А.К.

Студент

*Карагандинский экономический университет Казпотребсоюза, факультет
экономики и управления, Караганда, Казахстан
losangeles.com@mail.ru*

Рассмотрение такого вопроса, как роль новых информационных технологий в современных международных отношениях актуально как с теоретической, так и с практической точек зрения. Все шире применяющиеся информационные технологии кардинальным образом меняют повседневную жизнь миллионов людей. Они привносят изменения не только во внутреннюю политику самых разных по уровню развития стран

мира, но и в отношении между этими странами, в роль, которую играют в мировой системе международные организации, общественные движения, финансовые группы, преступные организации и отдельные лица. Меняется сам предмет теории международных отношений. Теоретическое осмысление современных международных отношений без учета роли новых информационных технологий становится просто невозможным.

Цель статьи - рассмотрение роли новых информационных технологий в современных международных отношениях. Для достижения такой цели необходимо выполнить две основные задачи. Во-первых, следует рассмотреть влияние новых информационных технологий на современные международные отношения. Во-вторых, требуется ясно осознать, какие изменения новые информационные технологии вносят в процесс исследования международных отношений.

В наше время информация в основной своей массе является продуктом данных, собранных электронными сенсорами. Электронные средства связи расширили зону, в которой можно своевременно обмениваться информацией. Программное обеспечение для обработки данных и аппаратная часть также развивались быстрыми темпами.

Интернет создал беспрецедентную потребность в постоянном и быстром обмене информацией в военном, правительственном и частном секторах. Информационные сети, соединенные в Интернет постоянно обрабатывают частную, деловую и военную информацию.

Подобные качественные изменения в процессах сбора данных, их переработки в информацию и распространении этой информации и составляют основу так называемой информационной революции.

Информация сейчас является стратегическим ресурсом, который должен управляться эффективно для того, чтобы достичь превосходства. В силу того, что информация играет такую ключевую роль, любое действие, предпринятое в информационной сфере, может иметь последствия для физической области (материалы, персонал, финансы) и для области абстракций (система убеждений).

Технологии информационной эпохи делают окружение, в котором ведутся боевые действия, более динамичным и непредсказуемым. Это делает национальные экономики более чувствительными к глобальному развитию, повышает культурное и политическое сознание части мирового населения и подпитывает радикальные движения, которые подталкивают мировую фрагментацию и дестабилизацию. Технологии информационной эры могут представить результаты военных действий (малых или больших) глобальной аудитории почти немедленно. Образы войны и мира - реальные или созданные - могут влиять на национальную волю и общественное мнение еще до того как аудитория проверит их аутентичность.

Рассматривая влияние новых информационных технологий на процесс исследования международных отношений, необходимо обратить внимание на две стороны вопроса: фундаментальные теоретические исследования и исследования прикладные.

В фундаментальных исследованиях по теории международных отношений появление этих технологий ведет с одной стороны к изменению самого предмета исследования, то есть самих международных отношений. Меняется роль государства, подвергаются пересмотру старые модели суверенитета, разрабатываются новые концепции безопасности.

Гораздо заметнее изменения, которые новые информационные технологии внесли в труд аналитиков, занимающихся прикладными проблемами. Прежде всего, объем информации, доступной им, возрос в десятки, а то и в сотни раз. Причем речь идет лишь об информации, действительно относящейся к предмету исследования, игнорирование которой может сделать результаты анализа некорректными.

Заключение

Всякая система принятия внешнеполитических решений является информационной системой. Информация используется в таких системах для того, чтобы предоставлять основу, на которой строятся оценки ситуации и принимаются решения. Системы принятия внешнеполитических решений, как и все информационные системы, действуют либо в так называемой глобальной информационной среде, либо в национальной информационной среде. Причем, эти среды вследствие технологических изменений постоянно подвергаются трансформации.

Качественные изменения в процессах сбора данных, их переработки в информацию и распространении этой информации и составляют основу так называемой информационной революции. Эта революция уже создала окружение, в котором государственный суверенитет и роль государств в современных международных отношениях подвергаются пересмотру. Поэтому конфликт между государствами и негосударственными объединениями столь же вероятен, как и конфликт между двумя государствами. Этот конфликт вполне может принимать форму так называемой информационной войны.

Важной предпосылкой для подобной политики является осознание коренных изменений, которые информационная революция принесла в процесс исследования международных отношений. Особенно велики эти изменения в области прикладных международных исследований. По сути дела речь идет о пересмотре самого подхода к проведению подобных работ. В новых условиях можно говорить и о значительном сужении круга организаций, которые могут решать прикладные задачи в области международных исследований.

Литература

- [1] Лебедева М.М. Мировая политика. М.2003г.
- [2] Панарин И.Н. Информационная война, PR и мировая политика. М.2006г
- [3] Поздняков Л.Я. Информационная безопасность личности общества, государства // Безопасность. 1994. № 5 .
- [4] Ракитов А.И. Философия компьютерной революции. М.1991г.
- [5] Урсул А.Д. Информатизация общества и безопасность развития цивилизации // Социально-политические науки. 1990. № 10
- [6] Цыганков П.А. Глобальные политические тенденции и социология международных отношений // Международные отношения: социологические подходы / Под ред.
- [7] Цыганкова П.А. М.1998г.; Кулагин В.М. Формирование новой системы международных отношений // Современные международные отношения. / Под ред. А.В. Торкунова М. 1998г.
- [8] Цыгичко В.Н., Федоров А.В. Информационные вызовы национальной и международной безопасности. М.2001г.
- [9] Цырдя Ф.Н., Информатизация, познание, социальное управление. Философские очерки. Кишинев, 1992.

Россия - США: энергетический аспект взаимоотношений в начале XXI века

Долгушев Д.В.

Старший преподаватель

*Томский Политехнический Университет,
гуманитарный факультет, Томск, Россия*

dimi_try@mail.ru

В начале XXI века мировая экономика вступает в активную фазу формирования нового энергетического порядка. Мировые энергетические проблемы приобретают все

более глобальный характер, энергетический фактор постоянно находится в орбите большой мировой политики.¹ Это объясняется тем, что мировая экономика превращается в некую связанную систему, потребляющую природные ресурсы, знания, информацию, организующую глобальное материально-вещное производство, но, по-прежнему, использующую в качестве первичных источников энергии, главным образом, нефть и газ.²

Энергетическая политика большинства государств к началу XXI века сформировалась как самостоятельное функциональное направление с международными и внутренними аспектами.

Заметно усиливается межгосударственное регулирование и взаимодействие в целях совершенствования системы коллективной энергетической безопасности и развития мировых энергетических рынков, технологического совершенствования, рационального потребления энергии с учетом современных экологических стандартов, а также новых требований устойчивого развития мировой энергетики.

Энергетика превращается в ключевую отрасль в социально-экономическом плане для многих стран мира, а отсюда появляется комплекс проблем по обеспечению энергетической безопасности,³ имеющий ряд основных проблем на современном этапе.

Стремление к энергетической безопасности вызывает обострение как скрытого, так и открытого противоборства между ведущими державами за контроль над углеводородными ресурсами; порождает «необъявленные войны нового типа» между теми, у кого есть энергия, и теми, у кого её не хватает, но кто всё сильнее стремится её получить.⁵ Борьба за крупные резервы нефти и газа становится главной геополитической темой XXI века.

Энергетическую политику мира определяет сегодня, в основном, США. Используя свыше четверти объема мирового энергопотребления, американская экономика испытывает растущий дисбаланс между внутренними потребностями и имеющимся рентабельным рыночным предложением первичных энергетических ресурсов.⁷

Соединенные Штаты Америки обладают наибольшей свободой маневра в проведении политики в энергетических регионах, в связи с тем, что, располагая достаточными собственными энергозапасами, они многие годы делают ставку на формирование системы партнерских отношений с рядом «надежных» государств.

В американской энергетической программе зависимость экономики страны от импорта нефти рассматривается как прямая угроза национальной безопасности.⁸

Интерес Америки к нефтяным и газовым месторождениям в различных частях света основывается не только исключительно внутренними потребностями. Он связан с «имперскими амбициями» США, стремлением Америки «если не контролировать доступ к нефти, то, во всяком случае, оказывать на них влияние».¹⁰

Россия, являясь одним из крупнейших в мире производителей, экспортеров и потребителей энергоресурсов к началу XXI века становится ответственным и равноправным партнером во всех компонентах международного энергетического сотрудничества. Россия имеет достаточный сырьевой потенциал, позволяющий ей входить в десятку стран с крупнейшими запасами нефти. При этом, Россия занимает сейчас первое место по экспорту газа, а с 2003 г. – второе по добыче и экспорту нефти и нефтепродуктов.

Однако, к этому времени традиционный для России европейский рынок, во-первых, становится не столь привлекателен, так как темпы роста потребления сырья на нем существенно снизились; во-вторых, доставка нефти зачастую связана с необходимостью использования транзитной территории стран, тарифная политика которых существенно ухудшает экономическую составляющую экспорта в целом, и в-третьих, многие из существующих нефтепроводов устарели, что ограничивает их пропускную способность.

Поэтому интерес России в сотрудничестве с США заключается, прежде всего, в получении новых рынков сбыта, а также в том, что именно Америка в начале XXI века определяла стандарты и современную политику промышленно-развитых стран в области энергетической безопасности.

В российско-американских отношениях энергетический фактор, так или иначе, присутствует на всех уровнях и входит в повестку дня многих переговоров. Россия рассматривает США, прежде всего, в качестве потенциального инвестора в российский ТЭК, а также, как государство, от которого в немалой степени зависит принятие решений по поводу предоставления долгосрочных кредитов или гарантий со стороны ведущих международных финансовых институтов.

Россия заинтересована в активном взаимодействии с ТНК энергетического профиля американского происхождения, поскольку кроме больших финансовых и технологических возможностей, они обладают опытом, который может быть использован российскими компаниями.

Политики России и США на протяжении ряда лет прилагали значительные усилия для поддержания конструктивного энергодиалога между Москвой и Вашингтоном, до сих пор конкретных результатов по многим инициативам в энергетической сфере не достигнуто.

Более того, последовательность и целенаправленность действий российского руководства по восстановлению веса и авторитета страны в международных делах в последние годы стала вызывать растущее раздражение и активное противодействие у отдельных групп американских политических и деловых элит.

Литература

1. Жизнин С. Энергетическая дипломатия России. / М. 2005. 637 С.
2. Эксперт. № 9. 13.07.05. С. 48.
3. Байков Н., Безмельницкая Г. Мировое потребление первичных энергоресурсов.// МЭиМО. 2003. № 5. С. 44.
4. Справочные материалы Департамента Северной Америки МИД РФ. Россия на глобальном нефтерынке.
5. Третий Всероссийский энергетический форум «ТЭК России в XXI веке» - // <http://www.iprr.ru/content/view/130/146/24.08.2005>
6. Байков Н., Александрова И. Топливо-энергетический комплекс. / Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет. М., 2003. С. 14.
7. United States Country Analysis Brief, January 2005, Wash., U.S. Department of Energy, Energy Information Administration, 2005, P. 48. - <http://www.pi.energy.gov/analitic/homesecurity>
8. Report of the National Energy Policy Development Group. May 2001. - // http://www.energy.gov/HQPress/releases01/maypr/national_energy_policy.pdf
9. Crude Oil and Total Petroleum Import top 15 Countries. Wash., U.S. Department of Energy, Energy Information Administration. 2005. 16.03.2004. P. 1. - <http://www.eia.doe.gov/stats/review/oil/internal/html>
10. Бирнбаум Н. Имперский проект.// Internationale Politik. 2005. № 4. С. 29.

Угроза ядерного супертерроризма

Крутиков В.А.

Студент

Снежинский физико-технический институт НИЯУ МИФИ

Спецафедра Динамика и прочность машин

E-mail: 38758@mail.ru

За последние 50 лет число террористических актов в мире, несмотря на международное противодействие, не уменьшается. Вместе тем, увеличивается и число жертв. Достижения научно-технического прогресса, на развитие которого передовые государства затрачивают колоссальные средства каждый год, служат средством к достижению целей террористов.

Сегодня наблюдается ренессанс атомной промышленности во всем мире. Многие государства, ранее не желающие иметь ничего общего с ядерной энергией, признают необходимость перехода от традиционной углеродной энергетики к мирному атому. Первые попытки совершения ядерных терактов предпринимались еще в 80х годах XX века. Надо полагать, что в связи с очередным этапом развития энергетики, интерес террористических организаций к ядерным объектам снова возрастет. В случае «удачного» проведения теракта, число жертв и материальный ущерб будет невероятно велик. А с учетом того, что современные СМИ, в целях повышения рейтинга, делают из каждой трагедии шоу, то террористами будет достигнут и столь им необходимый психологический эффект. Таким образом, речь уже идет о явлении ядерного супертерроризма.

Под супертерроризмом понимается использование или угроза применения наиболее совершенных технологий и видов вооружений для нанесения массового поражения населению или нанесение ошутимого на уровне государств экономического ущерба. Иначе говоря, терроризм стал способом ведения войны, приобретя совершенно иной характер, отличный от прежнего. Он развивается, становится крупномасштабнее. В мире насчитывается более 1500 террористических групп. В последние годы, происходит их слияние с наркомафией, которая в последующем финансирует их деятельность. Более того, в международную практику вошел такой термин, как «государства-спонсоры терроризма», которые прямо поощряют террор, как средство политики.

Первые предложения о принятии международно-правовых актов для минимизации ядерного терроризма были деланы в ООН в 1960-1970 годы. Разработанная МАГАТЭ конвенция о физической защите ядерных материалов была подписана в 1980г. 68 странами. За этот период произошло более 150 инцидентов, таких, как взрывы в районе расположения ядерных объектов, покушения на ученых-ядерщиков, кражи и контрабанда ядерных материалов и другие, которые продемонстрировали повышение уровня опасности. [1]

В настоящее время, классификация актов ядерного терроризма [2] выделяет три типа:

– *Подрыв (угроза подрыва) ядерного боеприпаса.* Данный вариант предполагает наличие у террористов ядерного взрывного устройства собственного изготовления или приобретенного у третьей стороны или посредника.

– *Использование расщепляющихся материалов.* «Грязная бомба» способна нанести большой ущерб за счет радиационного загрязнения значительных территорий в густонаселенной зоне.

– *Проведение диверсий на атомной электростанции или угроза их осуществления.*

Угроза применения ядерного оружия, в том числе грязных бомб, террористами остается гипотетической. Незаконный оборот ядерных материалов при тех мерах контроля, которые применяются, практически невозможен. Системы физической защиты ядерных боеприпасов во всех официальных ядерных державах, а также, насколько известно, в Индии и Израиле исключают несанкционированный доступ. Однако, существует вероятность, что может дать знать о себе «потерянное» ядерное оружие.

А вот вопросам безопасности АЭС стоит уделять особое внимание, поскольку, скорее всего, именно они станут объектом возможных террористических диверсий.

Наиболее вероятные угрозы реакторам АЭС включают:

- Вооруженную атаку хорошо подготовленной террористической группой с возможным пособничеством «изнутри».
- Диверсионные действия сотрудника АЭС
- Прорыв транспортных средств, начиненных взрывчаткой

На данном этапе, конфигурация системы защиты, ее приборное оформление, требования к силам охраны определяются таким образом, чтобы удержать террористов до подхода основных сил. Задача технических систем периметра станций состоит в предоставлении полной и своевременной информации о нападении, на основе которой организуется оборона и вызывается подкрепление.

Залогом того, что развитие атомной энергетики будет действительно мирным, является тесное международное сотрудничество в сфере права и технологий. Нельзя забывать о том, что террористы идут в ногу с техническим прогрессом. Необходимо регулярно обновлять не только сами системы защиты, но и принципы их функционирования. Любая ошибка может привести к непоправимым последствиям.

Литература

1. Петров Е.Н. Ядерное нераспространение. Снежинск 2006.
2. Пшакин Г.М., Гераскин Н.И., Муругов В.М., Коровин Ю.А. Ядерное нераспространение. М.: МИФИ. 2006.

Глобальный кризис водных ресурсов как угроза международной безопасности *Куденева Ю.С.*

Аспирант

*Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России, факультет политологии, г.Москва, Россия
E-mail: juskud@mail.ru*

*«Международные и гражданские войны из-за воды
угрожают стать основным элементом
политической жизни XXI века».*

*Ханс Ван Гинкель, бывший ректор
Университета ООН[2]*

Сегодня наблюдается тенденция к существенному повышению значимости экологического фактора в международных отношениях и мировой политике. Появилось понятие экохолистики (соединение науки об экологии и политологии), отмечается постепенное истощение природных ресурсов, конкуренция за которые впоследствии может стать основной причиной межгосударственных конфликтов и полномасштабных войн. В начале XXI в. экологические проблемы становятся особенно актуальными, их начинают называть главными вызовами безопасности государств. Появилась новая отрасль знания на стыке политологии, географии и собственно экологии - политическая экология [5].

Одно из центральных мест в данной области занимает вопрос о водных ресурсах. Именно вода является самым необходимым элементом жизни человека, экономического и социального развития государств. Из всех имеющихся водных ресурсов Земли только 2% приходится на пресную питьевую воду. Обеспечение водной

безопасности (достаточного количества и качества потребляемой воды) является частью национальной безопасности государств и условием их выживания.

Не случайно, десятилетие 2005-2015 гг. объявлено ООН Десятилетием действий «Вода для жизни». В 21 веке водные ресурсы становятся важным фактором в мировой политике, так как у них имеется как конфликтный потенциал, так и потенциал сотрудничества [9]. Более того, данная тематика важна для России ввиду ее колоссальных запасов водных ресурсов. Реализация этого потенциала сможет также сказаться на международно-политических позициях нашей страны.

За последние 20 лет международное сообщество значительно продвинулось в деле рассмотрения проблемы дефицита питьевой воды и водных ресурсов, которая прочно вошла в политическую повестку дня. Однако, к сожалению, провозглашаемые благородные и амбициозные цели не всегда и не всеми государствами реализуются на практике. Так, главным вызовом на современном этапе выступает проблема отсутствия политической воли государств, без чего невозможно решение ни одной глобальной проблемы. Более того, опасность представляет рассмотрение вопросов в области водных ресурсов как «отложенных катастроф», то есть, проблемы, которая не требует оперативных и сиюминутных действий. Угроза нехватки питьевой воды заключается не в физическом дефиците водных ресурсов на Земле, а в неэффективном управлении ими, что требует от мирового сообщества согласования подходов и разработки единой стратегии по противодействию данному вызову. Уже сегодня существуют регионы, чреватые в силу тех или иных причин возникновением конфликтов вокруг доступа к питьевой воде, что повышает «секьюритизацию» угроз и вызовов в данной области [6].

Фактор водных ресурсов существенно влияет на общий климат межгосударственных отношений и формирование внешнеполитической стратегии государств. Это связано с признанием водной безопасности неотъемлемой и важнейшей составной частью национальной безопасности страны. Многие говорят о возможности возникновения конфликтов вокруг водных ресурсов вследствие повышения их значения и глобального кризиса, связанного с неудовлетворительным качеством и количеством питьевой воды. Ситуация осложняется в регионах транснациональных водоемов (рек и озер). Проблема кризиса водных ресурсов очень часто накладывается на уже существующие противоречия государств в проблемных регионах: Тропической Африке, Ближнем и Среднем Востоке, Южной Азии, а также Центральной Азии [1].

Ввиду того, что «водные» противоречия носят в основном пока латентный характер, усиление механизмов многосторонней дипломатии и укрепления международно-правовых основ деятельности ее институтов является главным условием формирования сотрудничества по недопущению «водных» конфликтов.

Литература

1. Абрамова И., Фитуни Л. Цена голубого золота// Азия и Африка сегодня, 2008,-№12, С.35-59.
2. Белозеров В.К. Страсти по воде// Россия в глобальной политике, №3 май-июнь 2009.[Электронный ресурс]//Режим доступа:<http://www.globalaffairs.ru/numbers/38/11955.html>
3. Боришполец К. Водные ресурсы Центральной Азии в контексте регионального сотрудничества//Аналитические записки НКСМИ, дек. 2007.- №9, С.13-17.

4. Мамед-заде П.Н. Когда вода дороже нефти //Независимая газета,- 2002.- 18 октября
5. Митева В.В. Политическая экология и международное право, // Международные процессы, -2009. Т.7; №1(19), январь-апрель
6. Современные глобальные проблемы мировой политики под ред. М.М.Лебедевой, М.,2009.
7. Шишков Ю. Философия экополитики/Ю.Шишков//Международные процессы. 2003.-Том 1, №3 (3). Сентябрь-декабрь
8. From Potential Conflict to Co-operation Potential: Water for Peace, From Potential Conflict to Co-operation Potential (PCCP) // [Electronic resource]// -Mode of access: <http://www.unesco.org/water/wwap/pccp/>
9. 3rd UN World Water Development Report (WWDR 3), 2009 [Electronic resource]// -Mode of access: <http://www.unesco.org/water/wwap/wwdr/wwdr3/>
10. Mostert E. Conflict and Co-Operation in the management of International Freshwater Resources: A global Review, From Potential Conflict to Co-operation Potential (PCCP) [Electronic resource]// -Mode of access: <http://www.unesco.org/water/wwap/pccp/>

Понятие безопасности в политическом дискурсе биполярного и постбиполярного периодов

Луценко А.В.

Студент

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко,

Философский факультет, Киев, Украина

E-mail: Lily_name@mail.ru

В мировой политике ценностное наполнение категории безопасности, обозначение основных объектов и субъектов безопасности дело рук социальных агентов (если пользоваться терминологией французского социолога и философа Пьера Бурдьё), и зависит от политических проблем конкретного времени, а также прямо связано с политическими заботами политиков и подчинено политическим интересам. Социальные агенты создают дискурс безопасности, что есть актом обсуждения проблем безопасности в контексте конкретного времени. Социальные агенты создающие дискурс безопасности часто бывают полистатусными агентами, то есть могут совмещать в себе представителей академических кругов, политических советников, журналистов, политиков [2]. Соответственно для них приоритетней может быть отстаивание своего статуса в ущерб поиску истины. Также эти агенты обладают символической властью «...которая благодаря эффекту мобилизации позволяет получить эквивалент того, что достигается силой...» (Бурдьё 2007, с. 95) [3]. Поэтому в процессе познания понятия безопасности без критического подхода не обойтись.

Безопасность не существует как реальный объект и есть в некотором роде идеальным понятием как, например, справедливость, демократия или равенство. Французский исследователь проблем безопасности Дидье Биго считает, что на протяжении истории безопасность объясняется как антропологическая потребность быть защищенным (ontological security), как требование граждан быть защищенными на основании их законных прав (safety) и как акт обсуждения безопасности (security discourse) [5].

В период биполярного противостояния безопасность рассматривалась как построение в границах национального государства пространства защищенности от внешнего врага с помощью военной мощи [4]. Понятие обороны, в основе которого

лежит военный компонент, в биполярный период накладывалось на понятие безопасности в целом. Соответственно безопасность понималась как стратегическая обязанность государства обеспечивать экзистенциальное выживание нации и ее защиту от потенциальной военной угрозы [5]. Дискурс безопасности стран-полюсов конфронтации и соответственно стран-сателлитов основные угрозы политическому сообществу видел приходящими извне.

С переходом в постбиполярный период, когда США утратили своего врага в лице Советского Союза, возникла проблема определения нового врага. «Появление» новых угроз позволило бы оправдать притязания США на мировое лидерство и обосновало бы расходы на оборону на уровне «холодной войны». С этой целью в американском политическом дискурсе возникла концепция «государств-изгоев» (rogue state) (по аналогии с устойчивым выражением «rogue elephant», что означает «буйный слон, отбившийся от стада»). Существование «изгоев» стало называться, к примеру, основной причиной выхода США в 2002 году из договора о ПРО 1972 года [1].

Изменения в мировой политике в постбиполярный период, а также возникновение новых форм управления в Европе и транснациональность размывают границу между внутренней и внешней безопасностью. Поэтому в современном мире целесообразно говорить о поле безопасности (field of security). Поле безопасности конструируется агентами безопасности (полиция, таможенная служба, спецслужбы, армия и другие). После окончания биполярной конфронтации агенты внутренней безопасности ищут внутренних врагов за границами национальной территории и находят их в лице мигрантов, искателей политического убежища, террористов, транснациональной организованной преступности. Агенты внешней безопасности (армия, спецслужбы) ищут внешнего врага внутри государственных границ [5]. Ситуацию размывания государственных границ Дидье Биго сравнивает с математической моделью ленты Мебиуса, в которой переход от внутренней поверхности к внешней возможен без пересечения границ.

В современном мире понятие безопасности не ограничивается государственной безопасностью, а охватывает индивидуальную безопасность каждого. Современное государство несет ответственность не только за институциональное выживание политического сообщества, а должно гарантировать персональное выживание каждого его члена. К тому же, как считает профессор Гарвардского университета Эмма Ротшильд, политическая ответственность за гарантирование безопасности расширяется и охватывает национальные государства, международные институты, локальные и региональные правительства, неправительственные организации, и даже прессу [6]. Профессор международных исследований Бэрри Бузан рассматривает безопасность как явление не ограниченное только проблемами обороны, а такое что имеет отношение к секторам окружающей среды, экономики, политики и социума. Исследователь классифицировал секторы безопасности в две категории: национальная безопасность (national security), которая направлена на выживание режима и защиту суверенитета, и социетальная безопасность (societal security), цель которой заботится о сохранении идентичности и выживании общества [5].

Следовательно, можно сделать вывод, что с переходом от биполярного к постбиполярному периоду наблюдается трансформация понимания категории безопасности, а также происходит пересмотр списка основных угроз, которые могут постигнуть политическое сообщество в современном мире.

Литература

1. Бартенев В. Концепция «государств-изгоев» во внешней политике США // Журнал Международные процессы. // <http://www.intertrends.ru/nineteenth/008.htm>.

2. Биго Д. Проблемы безопасности: теоретические дискуссии и институциональный контекст // Цыганков П.А. и др. Международные отношения: социологические подходы. М. 1998.
 3. Бурдые П. Социология социального пространства. СПб.: Алетейя. 2007.
 4. Кулагин В. Глобальная или мировая безопасность? // Журнал Международные процессы. // <http://www.intertrends.ru/fourteen/004.htm>.
 5. Bigo D. When Two Become One: Internal and external securitisations in Europe // <http://www.didierbigo.com/students/readings/When%20Two%20Become%20One.pdf>.
- Rothschild E. What is Security? // Daedalus. 124:3. 1995. // <http://www.scribd.com/doc/15229031/Rothschild-What-is-Security>

Взаимодействие ООН и региональных организаций в сфере предотвращения и урегулирования конфликтов

Макарова Т.В.

Аспирант

*Национальный исследовательский университет — Высшая школа экономики,
факультет мировой экономики и мировой политики, г. Москва, Россия*

E-mail: tatiana.makarova@yahoo.com

Акторами современных международных отношений являются не только национальные государства, но также и региональные организации, такие как Европейский союз, Африканский союз, Организация Американских государств, Лига арабских государств и многие другие. После окончания Второй Мировой войны эти организации традиционно ставили перед собой экономические и социальные задачи, однако в последние три десятилетия региональные организации постепенно начали заниматься и проблемами безопасности и заметно увеличили свой потенциал в области предотвращения и урегулирования конфликтов, а также постконфликтного миростроительства.

Вместе с тем, в последние годы как в дипломатических кругах, так и в научном сообществе не прекращаются дискуссии о месте и роли региональных организации в решении проблем международной безопасности. В начале нового тысячелетия эта тема стала особенно актуальна. С одной стороны, на политическом и экспертном уровнях широко признается, что ООН — это уникальный механизм легитимации любых действий, создания правовых рамок, которые устраивали бы всех и воспринимались бы всеми [4]. С другой стороны, появление новых вызовов человечеству создает принципиально иную международную обстановку, требующую усовершенствования механизмов ООН [2].

В настоящее время сформировалось два подхода к данной проблеме: ряд ученых и политиков склонны считать, что региональные организации должны быть наделены большими полномочиями в сфере предотвращения и урегулирования конфликтов, наиболее радикально настроенные из них говорят даже о необходимости замены ООН альтернативными, «более эффективными и демократическими» (Perle R., 2003, P.2) институтами. Так, известный американский политолог Ф. Фукуяма в своей монографии «После неоконсерваторов. Америка на распутье» отмечает, что помимо ООН существуют и другие международные институты, способные легитимно обеспечивать международную безопасность в регионах мира. Одним из таких институтов ученый видит Организацию Североатлантического договора, при этом утверждая, что «у НАТО меньше проблем с легитимностью принятия решений, чем у ООН, поскольку все члены НАТО — это либеральные демократии...» (Fukuyama F., 2006, P.124).

Другие политологи придерживаются противоположной точки зрения. Они считают, что «в управлении международными отношениями ООН, с её системой взаимоотношений государств, является пока что наивысшим достижением человеческого общества, объединяющим все государства и народы мира» (Олеандров В.Л., 2010, С.69). Кроме того, представители этого подхода отмечают, что участие региональных организаций в решении проблем, стоящих на повестке дня, и выработке конкретных предложений по совершенствованию архитектуры международной безопасности не только желательно, но и совершенно необходимо [6].

В Уставе ООН предусмотрительно определили эту потребность и закрепили взаимодействие ООН и региональных организаций в Главе VIII Устава Организации Объединенных Наций. В последнее время сама Организация Объединенных Наций прилагала усилия по наращиванию сотрудничества и привлечению все более широкого круга региональных организаций к решению проблем региональной и международной безопасности [7]. Однако предстоит объективно оценить эффективность совместных усилий ООН и её региональных партнеров в сфере предотвращения и урегулирования региональных конфликтов. Региональные организации как важнейшие структурные элементы глобальной системы безопасности, с одной стороны, должны обеспечивать международную безопасность, экономическое развитие и защиту прав человека в соответствующих регионах, и, с другой стороны, помогать ООН продвигать эти цели по всему миру. Вместе с тем, региональные организации не освобождают ООН от её главной ответственности за поддержание международного мира и безопасности. Сама эффективность ООН во многом зависит от укрепления ее взаимодействия с региональными организациями.

Проведенный анализ показывает, что не следует подменять реальное эффективное взаимодействие указанных структур формальным наличием определенных механизмов сотрудничества. Следует помнить о том, что простое механическое объединение потенциалов организаций не будет иметь синергетический эффект. Представляется необходимым на основе имеющегося опыта взаимодействия и с учетом выявленных факторов, снижающих эффективность взаимодействия, выработать комплексные рекомендации относительно путей повышения эффективности сотрудничества ООН и региональных организаций и выявить основные направления его совершенствования.

Литература

1. Олеандров В.Л. ООН как универсальный механизм глобальной безопасности // Мировая политика в условиях кризиса. / Отв. ред. С.В. Кортунов. М., 2010. С. 56-79.
2. Примаков Е.М. Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. М., 2010.
3. Fukuyama F. America at the Crossroads: Democracy, Power, and the Neoconservative Legacy. Yale University Press, 2006.
4. Nye J. Does the UN still matter? // The Financial Express (India). 2007. 13 July.
5. Perle R. Thank God for the death of the UN // The Guardian. 2003. 21 March.
6. Weiss T. G. What's Wrong with the United Nations and How to Fix It. Cambridge: Polity Press, 2008.
7. Вопросы международного мира и безопасности в повестке дня ООН. <http://www.un.org/russian/peace/pko/peaceque.htm>

Диверсификация поставок энергоресурсов Туркменистана как фактор обеспечения региональной и глобальной энергетической безопасности

Мамедов Б.Б.
Преподаватель

Энергетическая безопасность является важным фактором экономического развития и политической стабильности.

Эксперты, занимающиеся исследованиями в области энергетической безопасности, утверждают, что в данном вопросе следует комплексно рассматривать следующие направления: 1. Основываться на взаимной связи развития мирового рынка и геополитической стратегии; 2. Учитывать все возрастающее значение в энергетической безопасности производителей энергии; 3. Оценивать место всех заинтересованных сторон в международной политике, а также определить значение их вклада в сотрудничество по обеспечению мировой энергетической безопасности.

Международная политика в области энергетики требует: обеспечения энергетической безопасности; обеспечения разнообразных путей экспорта и импорта энергоресурсов; комплексного и многостороннего подхода к реализации мер по снижению или избавлению от возникающих в международной энергетической политике рисков.

Сегодня в мире растут темпы энергопотребления. К 2050 году спрос на энергоресурсы может возрасти на 50 процентов к нынешнему уровню. Анализ геополитической ситуации в мире и его регионах показывает, что развернувшаяся в конце XX века острая конкурентная борьба за источники энергетических ресурсов создала множество кризисных ситуаций и конфликтов, переходящих порой в опасное противостояние. Всё это и ряд других негативных явлений приобрело уже глобальный масштаб, и поэтому требует вмешательства международного сообщества. На 63-ей сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединённых Наций была принята специальная Резолюция ООН «Надёжный и стабильный транзит энергоносителей и его роль в обеспечении устойчивого развития и международного сотрудничества», рассмотрение которой было инициировано Президентом Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедовым. Этот документ призван укрепить гарантии безопасности транснациональных газопроводов и других объектов энергетической, транспортно-коммуникационной инфраструктуры, а создание международной инфраструктуры углеводородов способно гарантировать человечеству особо востребованную в наши дни энергетическую безопасность.

Туркменистан в рамках международной энергетической политики уделяет огромное внимание вопросам добычи имеющихся запасов природного газа и его поставок потребителям.

С учетом объективных геополитических и ресурсных преимуществ, стратегическим приоритетом для Туркменистана выступает диверсификация энергетических потоков, создание многовариантной трубопроводной инфраструктуры.

За последние годы Туркменистан, наряду с использованием традиционных маршрутов, реализовал два новых крупных проекта по выводу своих энергоносителей на мировые рынки: Туркменистан-Узбекистан-Казахстан-Китай и новый газопровод Туркменистан-Иран. В декабре 2010 года дан старт крупному энергетическому проекту – строительство газопровода Туркменистан-Афганистан-Пакистан-Индия (ТАПИ). Он пользуется поддержкой всех стран-участниц, крупных международных финансовых институтов, в том числе Азиатского банка развития.

Таким образом, Туркменистан, являясь одним из крупнейших и надежных поставщиков энергоресурсов в регионе и во всем мире, реализует комплексные и долгосрочные меры, направленные на повышение эффективности усилий международного сообщества по обеспечению энергетической безопасности.

Литература

1. Бердымухамедов Г. Государственное регулирование социально-экономического развития Туркменистана. Том 1. А.: Государственная издательская служба Туркменистана. 2010.
2. Гуриев С., Плеханов А., Сонин К. Экономический механизм сырьевой модели развития: <http://www.perspektivy.info/>
3. Полтерович В., Попов В., Тонис А. Механизмы ресурсного проклятия и экономическая политика: <http://www.nes.ru/>
4. Энергетическая стратегия Туркменистана: <http://www.oilgas.gov.tm/>
5. ОПЕК Long-Term Strategy: <http://www.opec.org/>

Внешняя политика Австралии в пост-биполярный период: от «обороны» к «безопасности»

Машура А.В.

Студент

Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, Институт международных отношений, Киев, Украина

E-mail: vmestenavsegda@mail.ru

С окончанием Холодной войны вмешательство сверхдержав в региональные дела государств Юго-Восточной Азии, направленное на сдерживание их регионального потенциала, прекратилось, что определило рост их возможностей в определении характера и эффективности механизмов региональной безопасности [1]. На первый план выходят угрозы безопасности регионального уровня, которые по своей структуре являются менее предсказуемыми и характеризуются наличием негосударственных акторов. В 90-е гг., когда Австралия отошла от low – profile policy 50-60-х гг. 20 в. по отношению к государствам АТР, во внешнеполитической риторике появился термин «азиатская идентичность». В этом нет ничего удивительного не только потому, что экономическая привязка Австралии к государствам непосредственного окружения все время усиливается, но и потому, что сегодня многосторонние механизмы по поддержанию безопасности в регионе находятся в аморфном состоянии (АРФ, Council for security and cooperation in Asia-Pacific), а участие в формировании новых механизмов и реформировании уже существующих рассматривается всеми государствами региона как необходимое условие защиты своего суверенитета и национальных интересов.

Регион АТР является жизненно важным для Австралии с точки зрения обеспечения ее экономических интересов (в 10-ке крупнейших торговых партнеров всего три «не азиатские страны»), Австралия является участником 6 соглашений о свободной торговле, еще 8 подобных соглашений сейчас активно обсуждаются; из них 7 касаются Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии. Австралия принимает активное участие в работе АТЭС (работает в 30 «форумах» АТЭС, объемы двухсторонней торговли с АТЭС с 1994 г. выросли практически в три раза), основные инвесторы Австралии – США, Великобритания, КНР, Республика Корея, Япония и Сингапур) [9; 10].

Критически важным для безопасности Австралии является обеспечение безопасности непосредственного окружения и контроль за воздушными и морскими транспортными сообщениями, которые обеспечивают «подход» к Австралии [5; 6]. Военный бюджет Австралии по сравнению с 1991 годом возрос практически в два раза в

2009 г. (11,6 млрд амер. долларов до 20,1 млрд – в неизменных ценах по курсу 2008 г.) [11]. При Говарде австралийская военная политика становится все более агрессивной [7]. Демонстрация военной силы носит локальную задачу – укрепить свои позиции в субрегионе Юго-Восточной Азии. Австралийские военные силы (АВС) реформируются под наступательные виды вооружения. Основное внимание австралийского правительства времен Радда концентрировалось на конвенционных угрозах. С этим связаны и планы перевооружения АВС (закупка 12 субмарин, фрегатов нового класса, покупка 100 унифицированных военных истребителей F-35, систем морского наблюдения, воздушных системы раннего предупреждения и контроля и т.д.). Австралия входит в топ-10 импортеров американских вооружений, пользуется системой упрощенного получения лицензии на экспорт вооружений в США с 2007 г. (Treaty on Defence – Trade Cooperation), принимает участие в программе JSF. [12]. К тому же Австралия является важным звеном для достратегической ПРО в Азии[2].

Совместные американо-австралийские учения в рамках Тихоокеанского Партнерства являются важным элементом подготовки кадров для АВС. В 90-е гг. после вывода американских войск с Филиппин (1992) совместные американо-австралийские тренировочные учения Австралия фактически предоставила альтернативную площадку для проведения учений, тем самым отчасти сократив эффект от вывода американских баз [3]. Хотя ANZUS не имеет какой-либо интегрированной военной структуры или специальных сил, в рамках него проводятся совместные учения (начиная от морских и наземных учений (task group level - battalion-level) и до менее крупномасштабных учений с возможной стандартизацией используемого оборудования и концептуально-доктринального обеспечения .

Военная привязка к США прослеживается и в миротворческой деятельности. Если в 1990-1991 гг. во время войны в Персидском заливе, в 1992-1994 гг. в Сомали австралийские контингенты действовали под эгидой ООН, то с 2003 г. австралийские ВС принимают участие в операции Iraqi Freedom в составе коалиционных сил, в Афганистане с 2001 г. пребывает более полутора тысяч австралийских миротворцев, участвующих, как в военных, так и в гражданских мероприятиях. Совместно с США АВС провели операцию «Slipper» в Персидском Заливе в 2001 году. Операция в Восточном Тиморе и интервенция на Соломоновы острова вызвали критику австралийского руководства даже со стороны традиционных союзников в регионе[4; 8].

После окончания Холодной войны происходит разделение в политике безопасности, проводимой Австралией на два вектора: Defense and Security. Осуществление обороны все еще не возможно без выполнений союзнических обязательств с США, в то время, как вторая составляющая как раз тесно завязана на «азиатском измерении». Постепенную милитаризацию Австралии можно рассматривать скорее как метод укрепления своей роли в регионе и защите своих экономических интересов, нежели суверенитета.

Литература

1. Константинов В. Ю. Регионализм и регионализация в международных отношениях / Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко. — К. : Издательски – полиграфический центр «киевский университет», 2006. — 278с.
2. *Asia Pacific Security. US, Australia and Japan and the New Security Triangle / Edited by William T. Tow, Mark J. Thomson, Yoshinobu Yamamoto and Satu P. Limaye; NY: Routledge, 2007. – 221 p.*
3. *Craig A. Snyder. Southeast Asian Perceptions of Australian foreign policy // Contemporary Southeast Asia. - Vol. 28. – No.2. - 2006. – PP. 322 – 340.*

4. T. T. Kabutaulaka *Australian Foreign Policy and the RAMSI Intervention in Solomon Islands // The Contemporary Pacific. – Vol. 17. – No. 2. – 2005. – PP. 283-308.*

5. *Defence White Book – 1994. – Режим доступа: <<http://www.defence.gov.au>>.*

6. *Defence White Book – 2009. – Режим доступа: <<http://www.defence.gov.au>>.*

7. Derek McDougall *Australia and Asia-Pacific Security Regionalism: From Hawke and Keating to Howard // Contemporary Southeast Asia. – April 2001. - Режим доступа: <<http://www.findarticles.com/>>.*

8. Derek McDougall *Australia's Peacekeeping role in the Post-Cold War Era // Contemporary Southeast Asia. – December 2002. - Режим доступа: <<http://www.findarticles.com/>>.*

9. <<http://www.australia.gov.au/>>.

10. <<http://www.fdi.net/>>

11. <<http://www.first.sipri.org/>>.

12. <<http://www.state.gov/>>.

Вовлеченность стран СНГ в традиционные и новые региональные подсистемы в Евразии: тенденции и перспективы для внешней политики России
Михайлова О.В.

Студентка 2 курса магистратуры

*Московский Институт Международных Отношений (Университет) МИД России
Факультет международных отношений, Москва, Россия*

E-mail: mikhaylovaov@yandex.ru

Внешнеполитические интересы России неизменно связаны с развитием отношений с государствами на постсоветском пространстве. Среди основных инструментов осуществления российской внешней политики в отношении этих стран - поддержание двусторонних связей и укрепление институтов многостороннего сотрудничества. Сами постсоветские государства, проявляя объективный интерес к сотрудничеству с Россией, с первых лет после обретения независимости стремятся активно развивать отношения с внерегиональными государствами и организациями. Высокая степень активности внерегиональных участников ведет к размыванию традиционных субрегиональных структур на постсоветском пространстве (западные страны СНГ, Закавказье, Центральная Азия), оттягивает постсоветские государства от участия в интеграционных объединениях с участием России, усиливает негативный эффект от традиционных и новых вызовов безопасности России [6]. В данных условиях Россия должна пойти на корректировку стратегических подходов и применяемых к постсоветским странам внешнеполитических инструментов.

Анализ формирующихся в Евразии под действием процессов регионализации региональных подсистем, таких как Большая Восточная Азия, Центрально-Восточная Азия, Большое Средиземноморье [1,2,3,4,5,], позволяет наиболее полно отразить спектр вызовов и возможностей для внешней политики России на постсоветском пространстве. А понимание движущих сил процессов регионализации в Евразии способствует избежанию ошибок во внешнеполитическом планировании.

Литература

1. А.Д. Богатуров *Центрально-Восточная Азия в современной международной политике// Восток N1, 2005.*

2. А. Богатуров, А. Дундич, Е. Троицкий Центральная Азия: «отложенный нейтралитет» и международные отношения в 2000-х годах/ Очерки текущей политики. Выпуск 4, М., 2009.

3. «Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональные трансформации/ Под. ред. А. Воскресенского. М.: МГИМО. 2010.

4. Восток/Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений/ Под. ред. А. Воскресенского. М.: МГИМО. 2002.

5. Состояние и перспективы взаимодействия России со странами Центральной Азии и Закавказья// Отв. ред. Г. И. Чуфрин М.: ИМЭМО РАН. 2009.

Политика России в области разоружения и контроля над вооружениями как фактор геополитической стабильности.

Никитина Е.Т.

студент

*Институт Дружбы народов Кавказа,
Факультет международных отношений, Ставрополь, Россия
E-mail: elena_idnk@mail.ru*

Разоружение и нераспространение — две задачи, которые ставят перед собой государства, стремящиеся поддерживать мир и безопасность и «избавить грядущие поколения от бедствий войны, дважды в нашей жизни принесшей человечеству невыразимое горе» [6].

В 2009 году Россия искала пути для вывода разоруженческого процесса из состояния застоя и создания более благоприятной ситуации в области нераспространения. При этом использовались возможности многосторонней дипломатии, прежде всего такие форумы, как ООН и Конференция по разоружению. Существенно повысился удельный вес и практическая отдача усилий, направленных на совершенствование и придание дополнительной эффективности глобальному режиму нераспространения оружия массового уничтожения (ОМУ)[1].

Системной задачей для российской дипломатии оставалось всемерное содействие универсализации и укреплению Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) в качестве одного из опорных механизмов системы коллективной безопасности. Движение в этом направлении потребовало безусловного выполнения всеми государствами-участниками ДНЯО их обязательств на основе баланса трех фундаментальных составляющих Договора: нераспространение, разоружение, мирное использование атомной энергии. Россия работала на упрочение ДНЯО как отправной точки при решении международных вопросов, связанных с формированием оптимальных алгоритмов сотрудничества в области мирной атомной энергетики и определением высоких международных стандартов обеспечения сохранности и предотвращения утечек ядерных материалов, оборудования и соответствующих технологий.

В этот же период РФ выступала за развитие и универсализацию системы гарантий Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ), в том числе путем утверждения Дополнительного протокола к Соглашению с МАГАТЭ о гарантиях в качестве общепризнанной нормы проверки соблюдения участниками ДНЯО их обязательств по нераспространению.

Россия также последовательно выполняла свои обязательства по Конвенции о запрещении химического оружия (КЗХО). На месяц ранее установленного срока (31 декабря 2009 года), было уничтожено 45% или 18 тыс. тонн имеющихся запасов. Программа уничтожения химического оружия в России нацелена на полную ликвидацию всех имеющихся арсеналов к 29 апреля 2012

года в соответствии с требованиями КЗХО[2]. В рамках КЗХО Россией прилагались усилия по привлечению безвозмездного содействия для выполнения приоритетных программ в Глобальном партнерстве «Группы восьми» – уничтожения химического оружия и комплексной утилизации выведенных из эксплуатации атомных подводных лодок.

В соответствии с решением, принятым на встрече президентов России и США в Лондоне 1 апреля 2009 года, велся интенсивный переговорный процесс по выработке новой юридически обязывающей договоренности по сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений на замену Договора о СНВ, срок действия которого истек 5 декабря 2009 года. Новый договор о СНВ был подписан президентами Дмитрием Медведевым и Бараком Обамой 8 апреля 2010 года в Праге. 5 февраля 2011 года министр иностранных дел России Сергей Лавров и государственный секретарь США Хиллари Клинтон в ходе 47-й Мюнхенской конференции по безопасности обменялись ратификационными грамотами договора, после чего тот формально вступил в силу. Договором предусмотрено сокращение ядерных боезарядов до 1550 единиц, межконтинентальных баллистических ракет, баллистических ракет подводных лодок и тяжёлых бомбардировщиков — до 700 единиц. Рядом экспертов неоднократно отмечалось, что договор для России в отличие от США является скорее договором о наращивании СНВ, а не об их сокращении [4]. Так, на момент вступления договора в силу Россия уже не нарушала порога по носителям, установленного договором: 611 единиц против предельных 700; и превышала лишь по боезарядам: 2679 (1911 по новым правилам) единиц против предельных 1550 [5].

Ранее президентом России Д.А. Медведевым планировалось снять с боевого дежурства три ракетных полка ракетной дивизии, дислоцированной в Козельске, а саму дивизию к 2010 году расформировать. Но было принято решение воздержаться от этих планов. Кроме того, для нейтрализации при необходимости системы ПРО в Калининградской области развёрнут ракетный комплекс «Искандер».

В сфере европейского контроля над вооружениями непростой остается ситуация вокруг Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ). Продолжается диалог со странами НАТО по проблематике ДОВСЕ, проведен ряд многосторонних и двусторонних встреч. Для России борьба за новый, более справедливый ДОВСЕ имеет принципиальный характер. Альтернативы этому режиму в деле контроля над обычными вооружениями на сегодняшний день просто нет, поэтому крайне важно, чтобы он функционировал на честной и равноправной основе.

В рамках Гаагского кодекса поведения по предотвращению распространения баллистических ракет российской стороной активно ставился вопрос о необходимости выполнения государствами-участниками своих обязательств, привлечения в Кодекс, прежде всего, ракетно-значимых стран.

На направлении СНГ осуществлялись меры по содействию развитию у участников Содружества, прежде всего государств-членов ОДКБ и ЕврАзЭС, национальных систем экспортного контроля, которые соответствовали бы российским стандартам[3]. В Москве состоялись традиционные межмидовские консультации по широкому кругу вопросов экспортного контроля и нераспространения.

Список литературы.

Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность РФ в 2009 году. Обзор МИДа России. М., 2010, С. 36

Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность РФ в 2009 году. Обзор МИДа России. М., 2010, С. 39

Послание Федеральному Собранию РФ Президента России Дмитрия Медведева // Российская газета. М., 2010. № 5350 (271)

Независимое военное обозрение http://nvo.ng.ru/forces/2011-01-21/1_snv.html

**Международная безопасность на Южном Кавказе
в зеркале политики «перезагрузки»**

Серый Н.И.

Студент

*Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова,
исторический факультет, Кострома, Россия
E-mail: filosofjoss@mail.ru*

Решительные действия России на Кавказе в ходе грузино-осетинского конфликта показали, что баланс сил в мире изменился, значительным образом сузив возможности США добиваться силой своих целей. Августовская война стала катализатором самого сильного охлаждения отношений между США и РФ за весь период после распада СССР. В ходе Пятидневной войны стало ясно, что развитие отношений Россия – США пойдет уже по несколько иной траектории и даже, возможно, по принципиально иному пути. Сами эти отношения могут внешне стать лучше или хуже, чем ранее, но они уже не будут такими, как в последние 15 лет.

Неожиданно твердое проявление российскими лидерами воли и дозированное применение силы на Кавказе оказали отрезвляющее воздействие на западных политиков. Среди политических деятелей и экспертов в связи с приходом новой американской администрации сложилось впечатление, что «паруса» российско-американских отношений понемногу наполняются ветром перемен. Безусловно, отчасти поменялась и тональность высказываний политических деятелей двух стран. Американские официальные лица стали демонстрировать готовность обсуждать с Москвой актуальные темы мировой политики и международной безопасности.

Вице-президент США Дж. Байден заявил в феврале 2009 г. на Мюнхенской конференции по безопасности о «перезагрузке» российско-американских отношений. Ему в несколько театрализованной манере вторила госсекретарь Х. Клинтон. Б. Обама проводит «установочные» переговоры с Д. Медведевым в Лондоне в рамках саммита Большой двадцатки и принимает решение об официальном визите в Москву в июле 2009 г., публично демонстрируя внимание администрации к российскому направлению внешней политики. Однако оптимизм и даже элементы эйфории, свойственные ряду экспертных оценок, являются лишь свидетельством того, в какой глубокой яме оказались отношения США и РФ летом – осенью 2008 г. Два последующих года Россия и США снижали опасность военного конфликта и восстанавливали режим контроля над стратегическими вооружениями [2].

В ходе своего широко разрекламированного визита в Восточную Европу в октябре прошлого года господин Байден объявил о «необсуждаемых» принципах в отношениях с Россией: США «не допустят» существования, каких бы то ни было «сфер влияния» или российского «права вето» относительно расширения НАТО на восток. Он подтвердил приверженность Вашингтона политике смены режимов на границах России и попросил Восточную Европу помочь США «привести» бывшие советские республики к демократии. США занимаются перевооружением и подготовкой грузинской армии, несмотря на явную озабоченность России относительно того, что Грузия ведет подготовку к новой войне и рассчитывает отомстить за свое поражение в 2008 г. [1].

Таким образом, приоткрыл ли Байден тщательно скрываемую истинную линию администрации или просто позволил себе ремарку личного характера?

Однако из всего выше сказанного возникает мысль, что «перезагрузка» фактически может означать лишь сбой «управляющей программы» вашингтонского

внешнеполитического «компьютера». В мае 2009 г. представители Госдепартамента США совершенно в духе «перезагрузки» заявили, что не станут интересоваться инцидентами на границе Грузии и Южной Осетии. Более того, грузинские обстрелы были названы «несущественными инцидентами», явно давая понять, кого в Вашингтоне будут считать виновным в случае возобновления боевых действий. Также отметим интересный факт, что регулярные обстрелы югоосетинских позиций со стороны Грузии продолжились как раз после визита Дж. Байдена в Тбилиси в июле 2009 г.

Напомним, что именно Дж. Байден в своей мюнхенской речи первым призвал «перезагрузить» отношения с Москвой [3]. Символично, что его слова прозвучали именно с той самой мюнхенской трибуны, что и знаменитая речь В. Путина, посвященная однополярности современной мировой политики. Фактически, политика «перезагрузки» направлена, в том числе и на снижение концентрации внимания российской стороны к проблемам Кавказского региона.

После прилета в Тбилиси К. Райс и Д. Чейни начались боевые действия, после аналогичного визита Дж. Байдена продолжались поставки вооружений грузинской армии. США выступают против каких-либо зон влияния и сфер интересов, при этом «перезагрузка» в отношениях с Москвой вовсе не означает, что Вашингтон готов пожертвовать своими «теплыми отношениями» с Грузией.

Сегодня мы можем говорить о том, что программа, нацеленная на установление доминирования США на постсоветском пространстве и, особенно на территории Большого Кавказа, через «управляемый конфликт» продолжается. Фактически, она стала более продуманной и подается под видом «политики перезагрузки». Буквального повторения Августовской войны ожидать не стоит. Однако конфликт рано или поздно вновь перерастет в «горячую» стадию, причем в духе перезагрузки, т.е. в максимально неудобном для российской стороны формате.

Термин «перезагрузка» не случайно был заимствован из компьютерного глоссария. Фактически в ходе Пятидневной войны произошла нестабильная и некорректная работа внешнеполитического модуля washingtonского компьютера, перестав отвечать, он «завис». «Политические компьютерщики» из Белого дома приняли решение о «перезагрузке». Таким образом, внешнеполитический курс США должен стать более эффективным. В августе 2008 г. мы имели дело со сбоем «скрытых программ», сейчас же программа стала совершенной, а значит и опасней. В конце августа 2010 г. премьер-министр России В. Путин в интервью газете «Коммерсантъ» заметил, что «перезагрузка» заметна не во всех частях [4]. Тем самым премьер дал понять, что видит обратную сторону политики «Овального кабинета» по отношению к Кремлю.

России необходимо продолжить укрепление интересов на Кавказе. Вашингтонская «перезагрузка» должна стать поводом для переоценки собственной внешней политики Москвы и прежде всего на Большом Кавказе. Необходим собственный продуманный сбалансированный курс, а не исполнение полученного «машинного кода» чужой компьютерной программы.

Литература

1. Захаров В.А., А.Г. Арешев, Е.Г. Семирикова. Абхазия и Южная Осетия после признания: исторический и современный контекст. М.: Русская панорама, 2010.
2. Серый Н.И. Точки отчета Пятидневной войны // Актуальные проблемы исторической науки. Пенза-Кострома, 2010. С. 100-105.
3. www.state.gov (Официальный сайт Государственного департамента США).
4. www.kommersant.ru (Официальный сайт газеты «Коммерсантъ»).

Политическая нестабильность в арабских странах как пролог возможной войны

Соков Е.И.

Студент, бакалавр менеджмента

Волгоградский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Волгоградская академия государственной службы)

факультет государственного и муниципального управления, Волгоград, Россия

E-mail: ego-sokov@yandex.ru

Разворачивающиеся в январе-феврале 2011 года революционные события в странах Северной Африки и Ирана привели к тому, что фактически на огромной территории от Алжира до Тегерана воцарилась политическая нестабильность. Учитывая, что на данном пространстве население в основной массе поддерживает радикальные мусульманские силы [3, 20-21], легко прогнозируется их приход к власти при проведении заявленных демократических преобразований и свободных выборов (как подтверждает опыт демократизации традиционных обществ как таковой). Что, в свою очередь, грозит возможными военными конфликтами с их последующей эскалацией.

Сейчас практически в каждой стране, затронутой данным политическим кризисом (Алжир, Тунис, Ливия, Египет, Ливан, Иордания, Бахрейн, Саудовская Аравия, Йемен), присутствуют такие факторы как: находящийся длительное время у власти авторитарный правитель, экономический кризис, свободный доступ молодёжи к Интернету (который всячески поощряется со стороны США [5]). И практически нет гарантированного контроля за тяжёлыми и стратегическими видами вооружений. Это означает, что масштабное вооружённое противостояние между каким-либо из вышеперечисленных государств (или с Израилем, который оказался в “кольце революций”) теоретически может начаться в любой момент.

Проведенное исследование показало, в качестве основного заинтересованного субъекта и спонсора новых арабских политических кризисов могут выступать США. Для них видится несколько выгод в данной ситуации: 1) геостратегическая – уничтожение друг другом суверенных политических сил и государств на Ближнем Востоке с последующим доступом к их ресурсам; 2) экономическая – обвал курса доллара, жёстко привязанного обратно к ценам на нефть, для снижения выплат по внешним долгам (что может быть достигнуто путём перебоя поставок нефти из Ливии и по Суэцкому каналу).

Литература

1. Буровский, А., Якуцени, С. *Завтра будет война!* М.: Яуза-пресс. 2010.
2. Кокшаров, А. Убытки, реальные и вероятные // *Эксперт*. 2011, №5.
3. Мирзаян, Г. От фараонов к имамам // *Эксперт*. 2011, №5.
4. Рейнгольд, Г. Умная толпа: новая социальная революция / Пер. с англ. А. Гарькавого. М.: ФАИР ПРЕСС. 2006
5. www.voanews.com/russian/news/america/Clinton-Internet-Policy-2011-02-15-116281759.html (Госсекретарь США о свободе Интернета)

Альтернативная энергетика Евросоюза: риски и возможности для России

Томилова Ю.О.

Студент

Челябинский государственный университет,

Быстро растущая потребность Европы в энергоресурсах, а также тенденция к усилению зависимости от основных стран - экспортеров, привели к тому, что задача обеспечения энергобезопасности региона превратилась в одно из приоритетных направлений внешней и внутренней политики Евросоюза. Многие годы использование таких методов как, диверсификация источников получения энергоносителей, расширение собственной ресурсной базы рассматривались как оптимальное решение данной проблемы. Однако после опубликования в 2000 г. доклада о перспективах развития энергетического сектора в Европе, в котором указывалось, что к 2030 г. доля импортируемого газа составит 80%, а нефти практически 90%, было решено пересмотреть энергетическую стратегию сообщества и найти более эффективное решение проблемы обеспечения региона ресурсами.[1] Так в 2001 г. была опубликована Директива ЕС, определявшая развитие альтернативных источников энергии в качестве приоритетной долгосрочной политики и предлагавшая конкретные меры по развитию этого сектора.

Важную роль в начале трансформации традиционного углеводородного рынка сыграла и проблема глобального изменения климата. Подписание Киотского протокола в 1997 г. предусматривало уменьшение выбросов в атмосферу углекислого газа, что было бы невыполнимой задачей в случае продолжения повышения использования традиционных углеводородных ресурсов. Окончательное признание альтернативной энергетики в качестве важнейшего направления развития для Европы произошло в начале 2011 г. после принятия новой Энергетической стратегии Евросоюза до 2020 г. Среди выделенных в документе основных приоритетов ЕС был поднят вопрос об энергоэффективности и энергосбережении в Европе, что напрямую связывается с освоением возобновляемых источников энергии. Согласно данной стратегии, уже к 2020 г. в Евросоюзе доля электроэнергии, вырабатываемой возобновляемыми источниками, достигнет 20%, а выбросы углекислого газа в атмосферу должны быть снижены на 20% по сравнению с уровнем 1990 г. [4].

Основываясь на анализе новой Энергетической стратегии Евросоюза, а также внешнеполитических интересах сообщества, можем сделать вывод, что увеличение доли альтернативных источников энергии в ресурсном обеспечении региона может ежегодно экономить до 10 миллиардов евро бюджету сообщества [4], обеспечить полный контроль над оптимальным функционированием системы энергобезопасности региона, уменьшить выбросы углекислого газа в атмосферу, что делает энергетический сектор более экологичным и безопасным, позволит ЕС стать более независимым от экспортеров энергоресурсов игроком, что позволит ему достичь более существенного влияния на мировые процессы.

В настоящее время Россия для ЕС является не только одним из важнейших политических партнеров, но и крупнейшим поставщиком углеводородов. Именно поэтому, используя энергетику в качестве эффективного рычага влияния, она придает особое значение планам Евросоюза по диверсификации источников получения ресурсов и развитию альтернативной энергетики. Кроме того, по мнению некоторых специалистов, в последние годы энергетический диалог РФ и ЕС переживает не лучшие времена, в связи с возникновением перебоев поставок углеводородных ресурсов в Европу (газовый кризис 2009 г.), а также нежеланием Москвы подписывать Энергетическую хартию Евросоюза. Поэтому решение Евросоюза о постепенном сокращении импорта энергоносителей, в том числе и российских, а также ориентация на развитие собственного рынка возобновляемых источников энергии может восприниматься Россией как вызов. В случае успешной реализации принципов новой Энергетической стратегии ЕС, Москва не только частично потеряет свое политическое

влияние на западного соседа, но и возможно лишится своего главного покупателя. Однако европейские политики не раз высказывались о безопасности подобной долгосрочной политики для России, а также о возможности начала нового энергетического диалога.

Россия так же заинтересована в формировании собственного сектора альтернативной энергии. Такие проблемы, как увеличение спроса на электроэнергетику, необходимость повышения энергоэффективности и конкурентоспособности российской экономики в мире, ухудшение экологической обстановки в стране делают очевидным потребность нашей страны в развитии альтернативной энергетики. К 2020 г. долю возобновляемых источников энергии в 3,2% планируется довести всего до 4,5%. [3] Такие скромные планы обусловлены, прежде всего, огромными запасами углеводородных ресурсов в стране, серьезными бюрократическими барьерами, высокой стоимостью оборудования и развития технологий, нехваткой квалифицированных кадров, долгой инвестиционной окупаемостью, высокой капиталоемкостью отрасли, неразвитой нормативно-правовой базы и др.

ЕС придется столкнуться с теми же проблемами, что и России. Однако Евросоюз готов инвестировать огромные средства в реализацию своего плана и предпринимать активные действия не только по решению этих, но и собственных задач, таких как фрагментация экономического рынка и отсутствие общей энергетической политики сообщества. Поэтому сотрудничество между Евросоюзом и России не только будет способствовать развитию мировой торговли, расширению поставок в Европу альтернативных российских энергоносителей, но и снизит уровень загрязненности атмосферы в обоих регионах. При этом европейские инвестиции, опыт и технологические наработки могли бы стать базисом развития альтернативной энергетики в нашей стране.

В настоящее время уже существует несколько проектов по сотрудничеству России и ЕС в отрасли альтернативной энергетики. В 2004 г. достигнуто соглашение по торговле ядерными материалами между Россией и ЕС. В 2005 г. решен вопрос о совместном строительстве реактора ITER. В 2006 г. Атомстройэкспорт получил заказ на строительство АЭС в Болгарии. 12 декабря 2008 г. началась реализация проекта ЕС по увеличению инвестиций в повышение энергетической эффективности РФ.[1]

15 февраля в Вероне состоялся Международный форум "Альтернативная энергетика", на котором сотрудничество в разработке возобновляемых источников энергии было выбрано новым направлением в российско-итальянском энергетическом сотрудничестве. [2] Возможно, это событие станет первым шагом на пути к взаимовыгодному сотрудничеству России и ЕС в сфере альтернативной энергетики.

Список литературы

Вся Европа.ru: <http://www.alleuropa.ru>

Газовый форум: <http://www.gasforum.ru>

Группа ИМА: <http://www.imagroup.ru>

European Commission: <http://www.ec.europa.eu>

Американское обоснование роли НАТО в контексте новой стратегической концепции альянса

Тумина Ю.В.

Аспирант

*Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского,
факультет международных отношений, Нижний Новгород, Россия*

E-mail: yuliya_tumina87@mail.ru

Терракты 11 сентября 2001 года разом положили конец дискуссии о роли НАТО: глобальный характер проблем, не только радикально повлиял на внешнюю политику Вашингтона, но и коренным образом изменил роль самого успешного в мировой истории альянса. Уже 12 сентября члены НАТО предприняли беспрецедентный шаг, обратившись к положениям договора, касающимся коллективной обороны [1].

Глобализация дала толчок к реализации так называемой стратегии “расширения” (“enlargement” strategy), где США поставили следующие задачи, сочетающиеся с их традиционными геополитическими интересами: во-первых, перейти к увеличению пространства рыночной экономики путем экспансии мирового сообщества свободных рыночных демократических государств. Был поставлен вопрос об укреплении как экономических, так и военно-политических основ демократического сообщества с “ядром” государств (“core” states) - США, странами Западной Европы, Канадой, Японией. Фундаментом коллективной безопасности остается блок НАТО.

В последние годы НАТО было расколото из-за того, что разные члены альянса по-разному смотрят на вопросы международной и региональной безопасности. «Глобалисты» хотят, чтобы альянс функционировал как подлинно глобальная организация, и доставлял безопасность в те регионы мира, где она требуется. «Европеисты», с другой стороны, рассматривают НАТО как клуб либерально-демократических государств, который держал бы Америку в Европе, но действовал только поблизости от дома [2]. В Центральной Европе поддерживают позицию американцев, но хотят, чтобы Вашингтон защищал их от возможного давления со стороны России. Кроме того, в НАТО нет единого мнения по вопросу о том, как реформировать процесс принятия решений и как финансировать и снабжать удаленные и неудаленные операции.

Союзникам необходимо перенести акценты, договориться о самых основных вещах и решить насущную проблему — проблему финансирования обороны [3]. В настоящее время только пять стран альянса тратят на оборону более 2% ВВП. НАТО должна приспособиться к новым реалиям, как с институциональной, так и с оперативной точки зрения, причем, не только решив самые трудные задачи в области безопасности (распространение ядерных вооружений, выработка консенсуса по продолжению или сворачиванию текущих операций).

По итогам саммита НАТО в Лиссабоне, завершившемся 20 ноября 2010 г., в работе Альянса намечались серьезные изменения, которые приведут к созданию новых сил и средств, необходимым для защиты от современных угроз, таких, как баллистические ракеты и кибератаки [4].

В основу новой стратегической концепции НАТО легли инициативы Мадлен Олбрайт. 17 мая 2010 г. вышел экспертный доклад “НАТО-2020: гарантии безопасности, многостороннее вовлечение” [5]. Американское обоснование новой стратегической концепции НАТО зиждется на следующих ключевых задачах и принципах (“core tasks and principles”):

- 1) сдерживание любой потенциальной агрессии;
- 2) обеспечение политической независимости и территориальной неприкосновенности всех членов альянса. Отсюда – стремление усилить пятую статью Вашингтонского договора 1949 года;
- 3) изменение подхода к проблеме противоракетной обороны;

Авторы документа солидарны с президентом США Б. Обамой, что надо переоценить проекты районов стратегической ПРО, предложенные Дж. Бушем. Приоритетом следует сделать выбор в пользу более гибких систем ПРО ТВД. Но “группа Олбрайт” (“Albright Group”) указывает, что обновленная система ПРО должна прикрыть территорию всех членов НАТО. Развертывание противоракетных комплексов становится новой формой американских гарантий безопасности союзникам в Европе [6].

4) создание основы для сохранения американского тактического ядерного оружия (“tactical nuclear weapons”) в Европе. Авторы доклада призывают к консультациям о сокращении нестратегических арсеналов. Но они говорят о сохранении общей ядерной политики НАТО. Это по определению требует сохранения американского ТЯО в европейских странах альянса.

Таким образом, альянс подтвердил значимость пятой статьи Вашингтонского договора о коллективной безопасности и дал более широкую трактовку четвертой статьи, которая посвящена механизму консультаций с участием стран-партнеров. Он будет адаптирован к новым угрозам международной безопасности. Участники саммита в Лиссабоне достигли согласия в вопросе о создании единой системы ПРО, защищающей от ракетных угроз все страны НАТО, и договоре о стратегических наступательных вооружениях (СНВ) между Вашингтоном и Москвой. НАТО по-прежнему рассматривает любые конфликты в любой точке мира как угрозу собственной безопасности и готова применять в их отношении свои механизмы кризисного урегулирования, не отрицая при этом, что укреплению евроатлантической безопасности способствует широкая сеть партнерских взаимоотношений со странами и организациями, такими как ООН и Европейский союз.

Литература

The North Atlantic Treaty, Washington D.C. - 4 April 1949, Article 5. - URL: http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_17120.htm. Дата обращения: 24.01.2011.

Мичта Э. Новая стратегическая концепция НАТО — это не альтернативное предложение / Э. Мичта. - URL: <http://www.inosmi.ru/world/20100416/159335072.html>. Дата обращения: 16.01.2011.

Walt, S. Is NATO irrelevant? / S. Walt. - URL: http://walt.foreignpolicy.com/posts/2010/09/24/is_nato_irrelevant. Дата обращения: 17.11.2010.

Lisbon Summit Declaration Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Lisbon, Press Release (2010) 155 Issued on 20 Nov.2010.-URL:http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_68828.htm?mode=pressrelease. Дата обращения: 11.12.2010.

Колесниченко О. Новая Стратегическая концепция НАТО: две точки зрения. Сравнение двух взглядов – американского и европейского – на будущую стратегию альянса / О. Колесниченко. - URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2010-10-08/1_nato.html?mprint. Дата обращения: 20.01.2011.

Active Engagement, Modern Defence, Strategic Concept for the Defence and Security of the Members of the North Atlantic Treaty Organisation adopted by Heads of State and Government in Lisbon, 19 Nov. 2010 / Организация Североатлантического договора. - URL: http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_68580.htm. Дата обращения: 11.12.2010.

Американо-китайское геостратегическое и геополитическое соперничество на современном этапе

Фомин А.А.

Студент

Институт бизнеса и права (г. Москва), Международный бизнес и экономическая безопасность, Москва, Россия

E-mail: guru_aleksey@mail.ru

Важную роль в развитии современного мира занимают экономические взаимоотношения. Исключительная сила экономик США и Китая во многом будут

устанавливать курс глобализации на протяжении последующих 10 - 15 лет, а вместе с этим и экономический курс других стран. В ближайшее время у глобализации будут восточный и западный полюса. Западный полюс - это США. Восточный полюс – это однозначно Китай, ставший на сегодняшний день второй экономикой в мире.

Китай - это наглядная иллюстрация того, как в течении жизни одного поколения глобализация может сделать экономически отсталую страну, настоящим, мировым экономическим двигателем и наделить ее силой. В течении последних 20-ти лет экономика Китая выросла практически в четыре раза (и это с учётом инфляции). Экономические взаимоотношения Китая и США стали играть важную роль в безопасности и развитии мировой экономики. Китай как и США стал страной, которая имеет значение для любой другой экономики в мире. В большей степени китайская экономика влияет на экономику стран Азиатского региона сокращая влияние США.

Процветание зависит от безопасности - таким образом, обе страны должны разделять стратегический интерес к усилению безопасности своих народов. [1]

Современный мир таков, что сложившееся неизбежное противостояние двух экономических сверхдержав - Китая и США, борющихся за лидирующие позиции в современном мире, привело к началу Третьей американо-китайской войны.

Первая американо-китайская война проходила в 1950-1953 годах в Корее. Носила военный характер. В силу этого ее обычно принято называть Корейской, хотя таковой она была в основном по географическим координатам, а не по сущностному содержанию, подлинную основу которого составляло столкновение держав, находившихся за пределами полуострова — США и КНР, смыслом являлось стремление Вашингтона остановить в самом начале победное шествие китайской революции по Восточной Азии.

Официально первая война закончилась вничью.

Вторая американо-китайская война носила финансовый характер и состояла из двух этапов. Первый ее этап был ознаменован двумя событиями - объединением Китая с Гонконгом и "азиатским кризисом" 1997-1998 гг.. Содержанием второго этапа стала война за всю мировую нефть.

Первый этап Второй американо-китайской войны принес чувствительное поражение Вашингтону и промежуточную победу Китаю. Важное различие, спасительное для Китая, заключалось в том, что его валюта не была конвертирована; в противном случае ее поразил бы разрушительный удар, несмотря на огромные официальные валютные резервы.

Второй этап закончился искусственным подъемом цен на нефть до 100 долларов за баррель в начале 2008 года. [2]

Началом Третьей американо-китайской войны, по оценкам специалистов, стал конец августа 2008 года, когда китайские власти более не нуждались в сохранении стабильности любой ценой. А начало кризиса и послужило прологом к Третьей американо-китайской войне. Столь непростая ситуация не лучшим образом влияет на развитие взаимоотношений не только между Китаем и США, но и угрожает стабильности и безопасности мира в целом.

Существует множество перспектив развития экономических взаимоотношений Китая и США. В складывающейся ситуации можно выделить 4 подхода. [3]

•Первый подход: симбиотическое лидерование

Идея этого подхода может быть выражена простой формулой: КНР + США. Китай превратился в одну из великих держав, без которой уже невозможно представить себе мировую экономику и политику. Высокий уровень развития торгово-экономических отношений является одной из основ стабильности американо-китайских отношений.

•Второй подход: контроверзное лидерование

Подход "контroversное лидерование" противоположен симбиотическому. Он означает лидерование кого-то одного. Уже сейчас мир живет в условиях неизбежного противостояния двух экономических сверхдержав – Китая и США.

- Третий поход: "китаецентристский"

Китаецентристский подход можно рассматривать как вариант взаимоисключающего подхода. Из мирового лидерства исключаются США. Формула китаецентристского подхода: только Китай центр и локомотив мирового развития.

- Четвертый подход: рандомизированный

Невозможно точно прогнозировать будущее китайско-американских экономических отношений, слишком велико количество вариантов, и кризис лишь увеличил их.

Необходимо приложить усилия для завершения Третьей американско-китайской экономической войны и не допустить ее перерастания в Третью Мировую войну.

Литература

1. presidentialrhetoric.com: www.presidentialrhetoric.com/speeches/04.20.06.html
2. Еженедельное независимое аналитическое обозрение: www.polit.nnov.ru/2008/01/19/warusachina3/
3. Финансовая экономика: www.dictionary-economics.ru/art-48

Международные организации в борьбе с коррупцией

Цибизова Е.В.

Студент

*Пензенский филиал Негосударственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Академия МНЭПУ», факультет экологии, управления и права, г. Пенза, Россия
ket517@rambler.ru*

Сегодня понятие «коррупция» часто упоминается в заголовках газет и журналов практических всех изданий мира. Мировое сообщество объединяет усилия для преодоления этого «зла». Поэтому рассматриваемая проблема является актуальной, что обуславливает необходимость проведения соответствующих исследований.

Целью работы является изучение и формирование выводов о эффективности антикоррупционной деятельности международных организаций.

Коррупция - это моральное разложение должностных лиц и политиков, выраженное в незаконном обогащении, взяточничестве, хищении и срастании с мафиозными структурами. Формы коррупции бесконечно разнообразны: от примитивных до сложных. Но все виды коррупции, применительно к экономической сфере, объединяет то, что они создают для различных экономических субъектов неравные условия.

Экономические потери от коррупции огромны. Потери от коррупции в сфере государственных заказов и закупок составляют примерно 30% всех бюджетных затрат.

Коррупция тесно переплетается с теневой экономикой. Поскольку предприниматели теневой сферы вынуждены использовать незаконные услуги чиновников, как на уровне исполнительной, так и на уровне законодательной власти, естественно, вознаграждая их «труд». С другой стороны, недобросовестные чиновники увеличивают издержки для предприятий легального сектора, например, ставя их в условия, когда они вынуждены давать взятки. Тем самым они снижают конкурентоспособность предприятий легального сектора, стимулируя их к уходу в теневой сектор. Эта обратная связь затрудняет борьбу как с теневым сектором, так и с

коррупцией. По приблизительным подсчетам ученых коррупция увеличивает стоимость товаров и услуг на 5-15%.

Одной из наиболее опасных, является транснациональная коррупция. Транснациональная коррупция проявляется в виде подкупа иностранных должностных лиц с целью получения возможности вести или продолжать экономическую деятельность в какой-либо стране, либо получать какое-либо несоответствующее преимущество.

Наименее коррумпированы: Новая Зеландия, Дания, Сингапур, Швеция, Швейцария. Самыми коррумпированными странами оказались Узбекистан, Афганистан, на последнем месте - Сомали.

Экономические причины коррупции – это, прежде всего, низкие заработные платы государственных служащих, а также их высокие полномочия влиять на деятельность фирм и граждан. Социально-культурными причинами коррупции являются деморализация общества, недостаточная информированность и организованность граждан, общественная пассивность в отношении своеволия «власть имущих». Поэтому бороться с этими явлениями возможно только с помощью международного сотрудничества, особенно учитывая изощренность и гибкость транснациональных преступных организаций.

В рамках ООН было принято несколько документов по проблеме с коррупцией. На восьмом Конгрессе по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Гавана, 27 августа – 7 сентября 1990 года) ООН была принята специальная резолюция «Коррупция в сфере государственного управления». Она рекомендует государствам-членам разработать стратегию по борьбе с коррупцией, а также рассмотреть вопрос об адекватности уголовно-правового реагирования на все виды коррупции, настоятельно призывает разработать правовые положения для конфискации средств и имущества, полученных в результате коррупции, обеспечить принятие соответствующих мер против предприятий, замешанных в ней. 15 сентября 2005 года Эквадор осуществил ратификацию Конвенции ООН против коррупции, и, согласно установленной процедуре, по истечению 90 дней (14 декабря 2005 года) это международное соглашение вступило в силу и действует до сих пор. Конвенция является первым глобальным документом, призванным помочь государствам-членам бороться с коррупцией, как в общественном, так и в частном секторе. Конвенция против коррупции предполагает также, что теперь об «отмываемых» деньгах будут обязаны сообщать и те государства, на территории которых эти средства будут обнаружены.

Правовые инициативы ОЭСР в области борьбы с коррупцией основаны главным образом на двух документах. С одной стороны – пересмотренная Рекомендация по борьбе с взяточничеством в международных деловых операциях, утверждённая 23 мая 1997 г. Советом ОЭСР. С другой стороны – Конвенция по борьбе с взяточничеством должностных лиц иностранных государственных органов при проведении международных деловых операций, принятая 21 ноября 1997 г. ОЭСР уделяет внимание той коррупции, которая непосредственно относится к экономике. Подход к коррупции в основном ориентирован на «сторону предложений» – направлен на сокращение притока коррумпированных платежей в соответствующие рынки. Однако такой подход является односторонним, недальновидным, зависимым от действий, предпринимаемых на «стороне спроса». Конвенция предусматривает то, что перед государствами-участниками – право самостоятельного выбора мер для введения правовых санкций, налагаемых за дачу взяток иностранным государственным должностным лицам.

Коррупция является одной из проблем, препятствующих развитию: она еще больше ухудшает положение бедного населения, лишая государственных ресурсов те группы населения, которым они более всего необходимы. Начиная с 1996 года, Всемирный Банк реализует 600 программ борьбы с коррупцией и инициатив по повышению эффективности управления почти в 100 странах-клиентах. Всемирный Банк

представляет программу ключевых реформ: 1. Конкуренция и создание новых предприятий. 2. Набор на государственную службу и продвижение на основании личных достоинств. 3. Коррупцию можно победить благодаря знаниям и информированности граждан.

В ходе анализа актов международных организаций, направленных на борьбу с коррупционными преступлениями, представляется вывод о том, что ядро международной антикоррупционной стратегии находится ещё в стадии формирования. Огромный потенциал правовых средств, имеющийся в распоряжении крупнейших международных организаций, по-прежнему остаётся невостребованным, в то время как давно назрела необходимость выработать в рамках ООН и ввести в действие универсальный международно-правовой документ, препятствующий развитию и распространению коррупции во всех сферах жизнедеятельности.

Список литературы:

1. Игнатенко Г. В. Международно-правовые проблемы противодействия транснациональной преступности и коррупции / Г.В. Игнатенко // Организованная преступность и коррупция. - 2009. - № 1. - с. 99–103.
2. Лопатин В. Н. О системном подходе в антикоррупционной политике / В.Н. Лопатин // Государство и право. - 2009. - № 7. - с. 23–36.
3. Шихата И. Борьба с коррупцией требует от руководства страны высоких моральных стандартов / И. Шихата// Чистые руки. - 2008. - № 2. - с. 34–40.

Российско-американские отношения: эволюция концепция стратегической стабильности

Шыхалиев Э.Б.

Студент

*Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,
факультет мировой политики, Москва, Россия*

Email: emilshyhaliev@yandex.ru

После подписания в апреле 2010 года новых российско-американских договоренностей в области ограничения и сокращения стратегических вооружений, нераспространения оружия массового поражения и средств его доставки, необходимо четко представлять основные принципы обеспечения стратегической стабильности. Крайне актуален вопрос о том, как стратегическая стабильность обеспечивается или должна обеспечиваться в рамках глобального политико-военного и военно-стратегического баланса, который за последние 20 лет претерпел значительные, а возможно огромные изменения.

Проблема стратегической стабильности носит комплексный и многомерный характер и является важнейшей темой для национальной безопасности России. Рассмотрение и анализ проблем обеспечения стратегической стабильности невозможно без учета политических, политико-психологических, научно-технических и оперативно-стратегических факторов.

В введении монографии А.А.Кокошина «Обеспечения стратегической стабильности в прошлом и настоящем» автор отмечает важности понимания «закономерностей техно-эволюции в военных технологиях, в технологиях двойного назначения, выявление цикличности в развитии тех или иных компонентов стратегических сил сторон – как наступательных, так и оборонительных».

Стратегическая стабильность, такие её составные части, как доктринальные основы и весь комплекс переговорного процесса по ограничению и сокращению стратегических вооружений необходимо анализировать также в зависимости от развития

политической ситуации, предопределявшей, в том числе и весь комплекс ядерной проблематики.

Обеспечение стратегической стабильности в целом – это многодисциплинарная и комплексная проблема, которая требует перманентного внимания со стороны высшего государственного руководства, высшего военного командования, экспертного сообщества, занимающегося проблемами национальной и международной безопасности, ученых различных областей знания.

Ряд российских экспертов, в частности академик Ю.А.Трутнев, справедливо отмечает, что «материальная база – система вооружений определяет реальную, а не провозглашенную доктрину»¹, поэтому можно уверенно сказать, что одной из важнейших составляющих стратегической стабильности является материальная основа, ресурсная база, как ядерного, так и неядерного сдерживания. Вообще, обеспечение того, чтобы разрыва между реальной доктриной и провозглашенной доктриной не было – важнейшее условие обеспечения эффективности политики в области национальной безопасности. Данное условие требует знаний и умений в области трансформаций политических формул в развитие конкретных вооружений и военной техники. Понимание условия развития военной техники требует понимания какие конкретно системы вооружений необходимо развивать для поддержания качества системы.

Ядерное оружие – чрезвычайно важный фактор не только обеспечения нашей национальной безопасности, но и нашего реального суверенитета, т.е. статуса России как одной из великих держав. Однако рассмотрение проблем стратегической стабильности в последние годы (до работы А.А.Кокошина «Обеспечение стратегической стабильности в прошлом и настоящем», 2009) в значительной мере ушло в тень, не было предметом широкой дискуссии и внимания подавляющего большинства политиков и военачальников. «В нашей стране основные положения теории стратегической стабильности были сформулированы ещё в 1980-е гг. А.А.Кокошиным и рядом других отечественных авторов как индивидуальных, так и в коллективных работах, которыми руководил А.А.Кокошин.»².

Эволюция обеспечения стратегической стабильности полна драматических логических и политических парадоксов. Так, основное назначение стратегических ядерных сил двух стран заключалось в том, что бы они никогда не применялись. Осознание этой сверхзадачи с течением времени привело обе стороны к пониманию такого фундаментального обстоятельства, при котором стратегических ядерные силы представляют собой две «подсистемы» единой системы стратегических сил СССР/РФ-США, стабильность которой они должны совместно обеспечивать. Именно исходя из вышеизложенного сохранение стратегической стабильности в меняющихся геополитических условиях является уже в течении четырёх десятилетий предметом непрерывных переговоров и консультаций между экспертами СССР/РФ и США.

Литература

1. Вильданов М.П. Перспективы Пражского соглашения, 2010. http://nvo.ng.ru/concepts/2010-10-15/1_perspektive.html

2. Веселов В.А. Международная безопасность: военно-политические аспекты Учебное пособие. – М.: МАКС Пресс, 2005

3. Геловани В.А., Пиотковский А.А. Эволюция концепций стратегической стабильности: Ядерное оружие в XX и XXI веке / Под ред. С.В. Емельянова; Предисл. Е.П.Велихова. изд. 2-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2008

¹ Трутнев Ю.А. На благо России. К 75-летию академика РАН Ю.А.Трутнева. Саров; Саранск: Типография «Красный Октябрь», 2002. с. 334

² Кокошин А.А. Обеспечение стратегической стабильности в прошлом и настоящем: Теоретические и прикладные вопросы / Предисл. В.П.Володина, С.К.Ознобищева, В.Я.Потапова. – М.: КРАСАНД, 2009, с.7

4. Дворкин В.З. К вопросу о формировании политики национальной безопасности // Мировая экономика и международные отношения, 2004
5. Дворкин В.З. СНВ на весах стратегической стабильности, 2010. http://nvo.ng.ru/concepts/2010-04-16/1_snv.html
6. Кокошин А.А. Заметки о проблеме ядерного терроризма в современной мировой политике. М.: ЛЕНАНД/УРСС, 2006
7. Кокошин А.А. Инновационные вооруженные силы и революция в военном деле. М.: ЛЕНАНД/Урсс, 2009
8. Кокошин А.А. Политология и социология военной стратегии. М.: ЛЕНАНД/УРСС, 2005
9. Кокошин А.А. Россия в современной системе обеспечения глобальной стабильности: политика и восприятие / Отв.ред. А.А.Кокошин. – М.: Издательство ЛКИ, 2008
10. Стратегическая стабильность в условиях радикальных сокращений ядерных вооружений / Кокошин А.А. и др. М.: Комитет Советских учёных в защиту мира, против ядерной угрозы, 1987
11. Кокошин А.А. Ядерные конфликты в 21 в. (типы, формы, возможные участники). М.: Медиа-Пресс, 2003
12. Кокошин А.А., Ларионов В.В. Предотвращение войны: доктрины, концепции, перспективы. М.: Прогресс, 1990
13. Савельев А.Г. Механизм принятия решений по вопросам ограничения и сокращения вооружений в СССР: Конспект лекций. – М.: МАКС Пресс, 2005
14. Ядерное оружие после «холодной войны» / Под ред. А.Г.Арбатова, В.В.Дворкина. М.: РОСПЭН, 2006